

А.Ю. Бендин

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ВЕРОТЕРПИМОСТИ И УКАЗ 17 АПРЕЛЯ 1905 г.

Во второй половине XIX в. российское государство начало активно выступать в качестве главного субъекта модернизации, которая в эпоху “Великих реформ” приняла системный характер. По словам А.Н. Медушевского, модернизация “сразу законодательно провозгласила коренное социальное переустройство, что способствовало вовлечению в реформационный процесс всех слоев общества. Реформа открыла возможности для участия общества в преобразованиях, имевших целью создание гражданского общества и правового государства. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, демократические реформы в области суда, образования и печати служили реальным основанием постепенной рационализации и европеизации общественных отношений, освобождения от традиционных институтов”¹.

Системная модернизация российского социума ускорила, в свою очередь, процессы секуляризации общественного сознания, культуры и образования. Инициированные “Великими реформами” вопросы о секуляризации государственного устройства в сфере общественных и церковно-политических отношений, а также о либерализации системы вероисповедных отношений, получившей в общественном сознании наименование “свободы совести”, вызвали благодаря влиянию либеральной, консервативной и церковной периодики широкий общественный резонанс². В результате наложения процессов модернизации и секуляризации в российском обществе складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, государство в качестве главного субъекта системной модернизации ускоряло процесс секуляризации общественных отношений, с другой – по-прежнему сохраняло практику, характерную для традиционных христианских обществ, когда один привилегированный религиозный институт опирался на силу государства для поддержания своего исключительного правового статуса среди всех терпимых религиозных общин.

Религиозно-этническая структура Российской империи в ее демографической динамике выглядела следующим образом:

Религиозно-этнический состав населения Империи	1867 г., Млн. чел.	1897 г., Млн. чел.	Прирост, %
Иудеи	2,3	5,1	121
Мусульмане	4,1	6,9	70
Католики	6,9	11,4	68

Религиозно-этнический состав населения Империи	1867 г., Млн. чел.	1897 г., Млн. чел.	Прирост, %

Православные	54	87	61
Протестанты	2,3	3,7	57
Старообрядцы и сектанты	1,5	2,1	413

Как свидетельствуют статистические данные всероссийской переписи населения 1897 г., лица православного исповедания (вместе со старообрядцами) составляли 71% населения страны. Следовательно, Русская Православная церковь являлась крупнейшей религиозной общиной Российского государства.

К традиционным институтам империи следует отнести вероисповедную систему, основанную на принципах веротерпимости⁴. Главные принципы имперской веротерпимости в области государственно-религиозных и межрелигиозных отношений нашли свое законодательное воплощение в статьях 44 и 45 “Основных законов Российской империи”. Так, статья 44 гласила: “Все, не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие на российской службе или временно в России пребывающие (в), – пользовались каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной”. В статье 45 “Основных законов” говорилось, что “Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам (а): да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи”⁵.

Тем самым самодержавная власть обеспечивала легитимность своей религиозной политики в обществе, отличавшемся сложным религиозно-этническим многообразием. Эта религиозная политика сопрягалась с политикой национальной, так как границы религиозных общин нередко совпадали с границами основных этнических групп, а этническая и религиозная идентичность часто являлись синонимами⁶.

Задачи, стоявшие перед вероисповедной системой, заключались в поддержании традиционной религиозности российского общества и сохранении религиозно-этнической стабильности в империи: а) по горизонтали, т.е. в сфере межрелигиозных отношений, б) по вертикали, т.е. во взаимоотношениях между религиозными общинами и государством. Имперский бюрократический механизм предусматривал правовую и административную практику государственного регулирования деятельности признанных законом религиозных общин в соответствии с иерархическим принципом устройства и функционирования системы вероисповедных отношений. Системность и иерархичность этих отношений базировались на трех основных принципах: а) правовой статус Православной церкви как “первенствующей и господствующей” среди всех вероисповеданий России⁷; б) правовое равенство неправославных христианских конфессий и групп, а также нехристианских религиозных общин между собой; в) уголовная защита Православной церкви от совращений и отступлений в иные неправославные и нехристианские вероисповедания а также всех

христианских конфессий и групп от совращений и отступлений в нехристианские вероисповедания⁸.

Сущностными характеристиками традиционного характера имперской системы вероисповедных отношений являлись:

а) патерналистский характер монархической власти, регламентирующей функционирование и иерархическую упорядоченность религиозных общин, обладающих статусом терпимых⁹;

б) различные практики административного и уголовного принуждения, осуществляемые государством для защиты интересов Православной церкви, обладающей привилегированным статусом в сравнении с другими религиозными общинами империи¹⁰;

в) законодательное запрещение прозелитизма и религиозной конкуренции для всех религиозных общин империи, за исключением Православной церкви¹¹;

г) привилегированный статус христианских неправославных конфессий (церквей) в сравнении с нехристианскими религиозными общинами и терпимыми христианскими сектами¹²;

д) наследственный характер религиозно-этнической принадлежности всех подданных государства¹³, в соответствии с которым основным объектом веротерпимости являлись религиозные общины, а не отдельная личность; *приоритет государственно-церковных интересов над личными религиозными предпочтениями верующих.*

Эта система вероисповедных отношений имела свои отличительные, исторически обусловленные особенности относительно аналогичных систем ряда государств Западной Европы и США. Принципы религиозной свободы, выработанные западной правовой мыслью ко второй половине XIX в., в изложении известного либерального правоведа А.Д. Градовского включали следующие положения: а) свободу публичного отправления богослужения по обрядам своей веры; б) свободу избрания вероисповедания; в) свободу проповеди с целью обращения в свою веру лица, принадлежащего другому исповеданию, и основания новой церкви; г) возможность пользоваться всеми политическими и гражданскими правами, несмотря на принадлежность к той или другой церкви. Тем самым свобода веры предполагала защиту прав личности свободно и без участия государственной или церковной власти избирать то или иное вероисповедание и беспрепятственно следовать ему. Однако последовательная реализация указанных положений была свойственна, по замечанию Градовского, далеко не всем западноевропейским государствам¹⁴.

Что же касается норм религиозного законодательства, действовавших в Империи в XIX – начале XX в., следует отметить, что они имели ряд ограничений, касавшихся таких важных принципов религиозной свободы, как свобода миссионерской деятельности, свобода избрания веры и образования новых религиозных групп среди признанных законом вероисповеданий, а также зависимость личных прав подданных от вероисповедания. С точки зрения А.Д. Градовского, объем веротерпимости, как он задан в русском законодательстве, сводится в сущности, к праву

отправлять богослужение¹⁵.

Представляется, что попытка осмыслить понятие веротерпимости, ограничиваясь исключительно правовой сферой (сравнительный анализ религиозно-правовых законодательств России и Запада, изучение характера отношений между гражданской правоспособностью и религиозными правами лиц неправославного исповедания), не является исчерпывающей. При этом следует учитывать, что законы о веротерпимости преследовали цель не только ограничения прав верующих, они были предназначены также для разрешения и снятия религиозных конфликтов.

Поэтому для определения содержания этого понятия необходимо рассмотреть институт веротерпимости не только с правовой, но и с функциональной точки зрения – как бюрократический механизм и как инструмент социального контроля. Для реализации поставленной цели следует проанализировать институт веротерпимости в трех аспектах: правовом, административно-функциональном и дисциплинарном. Далее, задачи исследования эволюции вероисповедных отношений в России в пореформенный период требуют, в свою очередь, изучения феномена религиозной нетерпимости. Это позволит определить содержание трансформаций в области правовых решений, направленных на предоставление нетерпимым религиозным сообществам статуса веротерпимых. Такой комплексный подход представляет необходимые возможности для целостного понимания не только содержания исследуемого понятия, но и механизмов и направления эволюции вероисповедных отношений.

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

В целом, отношения веротерпимости строились на двух принципах: равенство всех терпимых религиозных общин перед законом; неравенство общин между собой по объему прав и привилегий. Как отмечал Ф.Г. Тернер, "...в нашей официально законодательной терминологии в настоящее время оказывается три категории вероисповеданий: 1) признанные, 2) непризнанные, но терпимые, и 3) преследуемые (по причине безнравственного своего характера)". В авторский текст редактором издания было внесено дополнение следующего характера: "Сверх этого (или в числе первой из этих категорий) есть еще одна категория – *покровительствуемых* (курсив ред.), (таковы римско-католическое, лютеранское и отчасти мусульманское), получающие жалованье от казны"¹⁶.

В соответствии с принципом неравенства *иерархия веротерпимости* выстраивалась следующим образом. Вслед за господствующей и первенствующей Православной церковью следует поставить лютеранскую и реформатскую церкви, общину гернгутеров, армяно-грегорианскую, армяно-католическую и римско-католическую церкви; вслед за этими "иностранскими" христианскими конфессиями по объему привилегий стояли общины евреев-караимов, мусульман-суннитов и шиитов; менее привилегированной была община евреев-талмудистов; наконец, последней

из привилегированных общин была ламаистская калмыков и бурят... Признанными, но лишеными привилегий были шотландские и базельские сектанты, менониты и баптисты Закавказья, сибирские шаманисты и самоеды-язычники¹⁷. Терпимыми, но не признанными законом в качестве религиозных общин были русские старообрядцы¹⁸. Критерием для установления объема привилегий служили условия эkkлезиологические (каноничность и апостольская преемственность церкви), догматические (степень различия с православным вероучением), вероучительные (христианские или нехристианские общины), законность или незаконность происхождения (относительно старообрядцев и сектантов) и, наконец, очевидно первые по важности – государственные (политическая значимость того или иного народа, включаемого в империю)¹⁹.

Таким образом, в соответствии с российским законодательством веротерпимость означала определенную религиозную самостоятельность признанных в империи и находящихся под управлением государства “иностранных” христианских конфессий и религиозных групп, а также иноверных (нехристианских) общин, наделенных соответствующей *правосубъектностью*.

В соответствии с законодательством, монарху как высшей инстанции принадлежало разрешение важнейших дел “покровительствуемых” им исповеданий. В исторически сложившейся ситуации российского религиозно-этнического многообразия монархия, в соответствии с правовыми принципами веротерпимости, должна была придерживаться релятивистских, прагматических подходов при решении проблем взаимодействия с неправославными религиозными сообществами. Двойная, конфессиональная и религиозная, самоидентификация российской монархии как православной и христианской предполагала помимо сугубо традиционного византийско-московского измерения, также и новое – надконфессиональное и правовое, напрямую связанное с практикой веротерпимости. Наличие взаимодополняющих компонентов в правовом статусе монархии позволяло ей в сфере религиозной политики выступать в различных ролях, выстраивать различные модели отношений с неправославными религиозными сообществами. “Как государство с православным царем и господствующей православной церковью Россию можно назвать православным государством... Но и в отношении к другим христианским исповеданиям, в России существующим, власть императора не есть только государственная власть, охраняющая интересы государства, а есть попечительская власть государя христианского и самодержавного, независимая от какого-либо парламента с разноверным и безверным составом, и в этом смысле Россию можно назвать государством христианским. Наконец в отношении к нехристианским исповеданиям, власть русского монарха есть власть государственная, охраняющая порядок и действующая в духе христианской терпимости и естественной справедливости – в этом смысле Россию можно назвать государством правовым”²⁰.

Законодательно закрепленные принципы монархического патернализма, на основе которых регламентировался способ сосуществования религиозных общин друг с другом, с одной стороны, и взаимоотношения их

с государством – с другой, являлись необходимой составляющей религиозной политики, иерархически сочетавшей базовые элементы традиции православного абсолютизма (ст. 40–42 Основных законов) с релятивистским, т.е. секулярным и правовым подходом.

Религиозные общины, находясь в положении “покровительствуемых”, становились привилегированными, обретали статус государственных, а монархия, наделявшая их правами и привилегиями, выступала в качестве *субъекта* веротерпимости. Правительственная опека, находившая свое воплощение в обязательной регламентации управления терпимыми конфессиями и общинами, в правительственной прерогативе на замещение высших церковных должностей и государственном финансировании, имела свое рациональное обоснование в том, что учреждения признанных вероисповедных общин были наделены некоторыми функциями светской власти²¹.

Обладающие правосубъектностью религиозные организации как *объекты* веротерпимости имели право публичного отправления богослужения, официально признанное духовенство в качестве особого привилегированного сословия, признание за общинами статуса юридических лиц. Закон признавал за ними обязательную силу монашеских обетов, право ведения актов гражданского состояния, дисциплинарную власть, юрисдикцию по брачным делам и духовную цензуру. “Наделение всех инославных церквей такими правами, – по свидетельству Н. Коркунова, – ставит их в России в гораздо более привилегированное положение, сравнительно с тем, как они поставлены теперь во многих государствах Западной Европы, где метрические книги ведутся гражданскими властями и тем самым соблюдение при рождении, браке и кончине религиозных обрядов крещения, венчания и отпевания признается там необязательными (так установлено в Германской империи, в Голландии и в Швейцарском союзе). Сообразно с этим, дела брачные также не подлежат там ведению духовных установлений”²².

Таким образом, в правовом пространстве империи субъектом веротерпимости являлась монархия, объектом – лояльные, не принадлежавшие к господствующей Церкви подданные Российского государства. В соответствии с основными законами все они получали равные права на публичное отправление традиционного религиозного культа, которыми пользовались сообща в рамках своей религиозной конфессии или общины, объединявшей одну или несколько этнических групп. Однако степень публичности отправления культа (особенно в отношении религиозных процессий) могла быть неодинаковой²³. Монархия, признав неправославные религиозные общины в качестве терпимых, взяла тем самым на себя обязательство соблюдения гражданских прав своих подданных, никогда не принадлежавших к Православию. Они являлись, согласно общему правилу, полноправными гражданами России²⁴.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ

Статья 46 Основных законов Российской империи гласила: “Дела церковные Христиан иностранных исповеданий и иноверцев в Империи

Российской ведаются их духовными властями и особенными правительствами, Верховной властью к сему предназначенными”. Тем самым государство создавало институт высшей церковной – в широком смысле, духовной (христианской и нехристианской) – бюрократии, учреждение и функционирование которой санкционировалось монархией. Духовная бюрократия включалась в качестве составной части в общий механизм государственного управления, копируя устройство и функции светской коронной администрации. Принципы функционирования духовных управлений, изложенные в уставах духовных дел иностранных исповеданий, соответствовали аналогичным принципам уставов бюрократических учреждений государства, что, в свою очередь, являлось необходимым условием эффективного взаимодействия светских и религиозных структур в рамках единого государственно-духовного механизма.

По словам известного канониста дореволюционной России Н. Суворова, “самое управление религиозными делами разных исповеданий рассматривается как часть государственного порядка... Мало-помалу создана была, испытывая разные последовательные перемены, известная церковная, а для нехристиан – религиозно-общественная организация... Организация эта, регулируемая уставами, вошедшими в свод законов российской империи, есть часть государственного порядка, так что в этом смысле можно говорить о слиянии русского государства с другими вероисповеданиями. Притом нельзя не заметить, что система государственной церковности более выражена в применении к духовным делам других христианских исповеданий, чем православного: между тем как управление православными духовными делами организовано в виде особого ведомства, духовные дела других христианских исповеданий входят в круг ведомства государственного министерства внутренних дел, а духовные дела нехристианских исповеданий входят даже в круг ведомства губернских правлений”²⁵.

Управление официально признанными религиозными обществами находилось в ведении министерства внутренних дел, в частности департамента духовных дел иностранных исповеданий. Ведению этого департамента подлежали вероисповедания: армяно-григорианское, римско-католическое, евангелическо-лютеранское, реформатское, еврейское, магометанское и ламаитское. В ведении департамента находились римско-католическая духовная коллегия, состоявшая из председателя (митрополита римско-католической церкви по империи), членов постоянных заседателей от епархий, прокурора и канцелярских чинов. Коллегии подчинялись римско-католические епархиальные управления и учебные заведения (римско-католическая духовная академия в Санкт-Петербурге и семинария); евангелическо-лютеранская генеральная консистория, состоявшая из светского президента, духовного вице-президента, членов светских и духовных, прокурора и чинов канцелярии. Генеральной консистории были подведомственны консистории местные. Для управления делами мусульман существовали Оренбургское духовное собрание и Таврическое духовное правление. По делам еврейского вероисповедания при департаменте состояла особая раввинская комиссия в качестве

совещательного учреждения. Управление инославными и иноверными религиозными обществами существенным образом отличалось от управления Православной церковью. Во-первых, они не имели высшего учреждения, ведающего всеми делами данного вероисповедания, за исключением римско-католической и армяно-грегорианской церквей. Во-вторых, за исключением римско-католической церкви, в организации управления всех других религиозных обществ в большей или меньшей степени присутствовало начало выборного самоуправления²⁶.

Представленная структура духовных учреждений свидетельствует о том, что институт веротерпимости следует рассматривать как *форму бюрократического* взаимодействия государства посредством аппарата МВД с признанными законом религиозными сообществами, действующими на основе правовых норм, изложенных в “Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных”. Заданные нормы государственно-церковного права регулировали исполнительные функции духовных учреждений высшего и среднего звена. Сфера судебных дел находилась в подчинении Правительствующего Сената и министерства юстиции. Духовные управления религиозных сообществ могли осуществлять свои канонические властные функции только при условии обладания статусом государственного учреждения. Это означало, что духовенство привилегированных религиозных сообществ представляло собой часть государственной администрации. Следовательно, и практика взаимоотношений веротерпимых исповеданий между собой и господствующей церковью также строилась на основе применения установленных государством бюрократических форм и методов межрелигиозных отношений. Официальное делопроизводство в духовных управлениях осуществлялось, как правило, на русском языке.

Закономерным следствием функционирования института веротерпимости как государственного бюрократического механизма явилось негативное отношение законодательства к прозелитизму, который рассматривался как потенциальный источник межрелигиозных конфликтов и напряженности. Законодательство предусматривало ситуации, когда причинами религиозной нетерпимости становились отношения соперничества между государственными религиозными общинами, претендующими на религиозную исключительность. Одним словом, правительство обязано было учитывать опасность, проистекающую из стремления неправославных монотеистических общин к абсолютизации одной религиозной приверженности, исключаящей все остальные. По словам М. Красножена, “каждая церковь (Православная, римско-католическая, евангелическо-лютеранская, армяно-грегорианская и др.), считая только одну себя истинной Христовой Церковью, принадлежность к которой в деле спасения является безусловно необходимой, объявляет только свое учение единственно истинным, исключаящим другие учения как ложные, и всех к ней непринадлежащих называет иноверцами, относится к этим последним совершенно отрицательно, смотрит на них как на лиц, заблуждающихся в истине, и заботится обратить их в свое лоно. ...Каждая церковь... не может поэтому относиться к другим

вероисповеданиям равнодушно и допускать безразличие (индифферентизм) в делах веры; а тем более терпеть прозелитизм, а также обязана заботиться о распространении своего учения среди лиц к ней не принадлежащих”²⁷.

В этих условиях задачей правительства становилось сохранение стабильности религиозно-этнических границ внутри России с помощью юридического запрета на прозелитизм среди религиозных конкурентов. В частности, правительство считало необходимым положить предел этнорелигиозной экспансии католицизма, который рассматривался в качестве духовного лидера польского сепаратизма, угрожающего целостности российского государства²⁸.

В таком регионе империи, как Северо-Западный край, правовые принципы бюрократического регулирования деятельностью римско-католического духовенства в связи с участием ряда его представителей в польском восстании 1863 г. для администрации М.Н. Муравьева и К.П. Кауфмана представлялись недостаточными. Действия и мотивы отдельных групп этого духовенства, перестали соответствовать своим религиозным целям и приобрели политический характер. Ситуация, в которой оказалась администрация региона, осмысливалась следующим образом: “Закон установил, и практика государственная осуществила принцип широкой веротерпимости, как основание всех отношений государства к заключающимся в нем иноверным исповеданиям. Принцип этот не может и не должен быть ничем не нарушаем. Как бы известная мера не казалась желательной и плодотворной по своим последствиям, но если она противоречит вышеозначенному принципу, то сам закон не допустит ее до осуществления. Такая терпимость католицизма и его неприкосновенность со стороны государства, рядом с нетерпимостью католицизма по отношению к государству и православною вере и открытой к ним враждебности, – составляют ту дилемму, – которая создает главнейшую трудность практического разрешения вопроса о католицизме в России, делает вопрос этот без сравнения труднейшим из всех других вопросов внутренней политики государства”²⁹. Реальным выходом из этой сложной правовой ситуации стала практика администрирования. В дополнение к существующим законам вводился ряд административных мер, ограничивающих пастырскую деятельность римско-католического духовенства с целью ее деполитизации и сокращения влияния на паству. Эти меры были вызваны не только активной ролью части ксендзов в организации антигосударственных вооруженных выступлений, но также актами религиозной нетерпимости к Православию и противозаконной прозелитической деятельностью среди православного населения западных губерний России³⁰.

Однако неизбежность и необходимость прозелитизма (католического, протестантского, исламского) были обусловлены сотериологическим и догматическим эксклюзивизмом, как неотъемлемым свойством монотеистических религий, к которым принадлежало подавляющее большинство “иностранных и иноверных” исповеданий Российской империи. В результате возникло перманентное противоречие между вероучениями терпимых религиозных сообществ, вменяющих миссию среди иноверцев в

обязанность своему духовенству с одной стороны, и российским законодательством – с другой. В этой ситуации министерство внутренних дел ставило своей целью предотвратить религиозную конкуренцию, нейтрализовать с помощью закона и права религиозный абсолютизм и нетерпимость всех *миссионерствующих* религий, включая господствующее православие³¹. Предполагалась, что рост численности неправославных общин, а следовательно, идентифицирующих себя с ними этнических групп и диаспор, может достигаться не миссионерством, а только путем естественного прироста единоверцев. В свою очередь, законодательный запрет на прозелитизм, прежде всего среди православных, воспринимался миссионерствующими неправославными сообществами как существенное ограничение их догматически обоснованных религиозных прав на пропаганду своего вероучения среди иноверцев. Свидетельством неприятия подобного запрета стали многочисленные нарушения законодательства со стороны духовенства христианских “иностраных” конфессий в прибалтийских губерниях и Северо-Западном крае. Против католических ксендзов и лютеранских пасторов, занимавшихся прозелитизмом среди православных, предпринимались меры административного и уголовного воздействия³².

Меры административного и полицейского контроля над деятельностью неправославных религиозных общин осуществлялось структурами МВД на основе “Устава о предупреждении и пресечении преступлений”. В главе четвертой “О предупреждении и пресечении преступлений против правил веротерпимости” раздела первого “О предупреждении и пресечении преступлений против веры” рассматривались: а) условия сосуществования неправославных религиозных сообществ между собой; б) практика бюрократического регулирования перехода из одного христианского вероисповедания в другое; в) приоритет христианства перед нехристианскими сообществами при перемене вероисповедания; г) преимущества Православия в привлечении последователей из “иностраных христианских и иноверных исповеданий”; д) запрещение любых проявлений миссионерской деятельности среди православных со стороны духовенства и монашествующих неправославных христианских конфессий³³.

Таким образом, “Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных” устанавливал правила функционирования терпимых вероисповеданий, в то время как нормы полицейского законодательства содержали превентивные и запретительные меры для нарушителей этих правил. В совокупности эти правила и нормы определяли *форму сосуществования* признанных законом вероисповеданий между собой, господствующей церковью и государством. Созданная таким образом сфера административного *регулирования* и полицейского контроля над вероисповедными отношениями представляла собой *конфигурацию форм* бюрократического взаимодействия всех участников процесса духовно-государственного управления. Эта конфигурация свидетельствует о том, что понятие веротерпимости нельзя свести только к простым соотношениям иерархического порядка, основанным на различных объемах прав и

привилегий признанных законом вероисповеданий.

Правила веротерпимости являлись правовым оформлением исторически сложившегося многообразия неправославных религиозных сообществ в России, которые учитывали что каждое из этих “законных” сообществ имеет свою историю, свое вероучение, экклезиологию, обряды, традиции и обычаи. Нормы государственно-духовного права, изложенные в уставах “иностранных и иноверных” исповеданий, жестко закрепляли эти религиозные различия.

Что же касается практики административно-правового регулирования, то она, подчиняя себе сферу управления и функционирования религиозных сообществ, выстраивала односторонние отношения власти и контроля, добиваясь реализации следующих задач: во-первых, бюрократической интеграции духовных управлений в систему государственной власти, а неправославного духовенства в состав российского чиновничества; во-вторых, социальной интеграции мирян “иностранных и иноверных” исповеданий в российское общество; в-третьих, предотвращения проявлений нетерпимости и религиозных конфликтов в империи.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ КАК СФЕРА ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Система веротерпимости, охватывая все многообразие правовых норм и бюрократических взаимоотношений среди признанных законом исповеданий, предусматривала охраняемое законом соблюдение церковных установлений. Или, иными словами, духовной дисциплины. Более того, внутренняя духовная дисциплина религиозных сообществ, т.е. “твердый порядок власти и подчинения среди самого духовенства с одной стороны, и верующих – с другой”³⁴, была закреплена в уставах “иностранных и иноверных” исповеданий и поддерживалась с помощью мер административно-полицейского контроля. Механизмы государственной власти оказались встроенными в механизмы поддержания духовной дисциплины, которая в свою очередь рассматривалась законодательством как часть дисциплины социальной.

Монархия осуществляла общественное воспитание подданных, опираясь на духовную дисциплину. Однако при этом государство не передавало полностью власть духовной дисциплины самим религиозным сообществам. Появление ересей, расколов и вольнодумства рассматривалось государством как правонарушение и преследовалось по закону³⁵. Действовавшие таким образом нормы государственно-духовного законодательства обеспечивали правовой и дисциплинарный порядок функционирования терпимых вероисповеданий. Государство, в соответствии с нормами “Устава о предупреждении и пресечении преступлений”, принимало меры по охране организационного единства, вероучения, порядка богослужения и церковной дисциплины в среде терпимых христианских конфессий. В случае опасности возникновения религиозных конфликтов администрация была обязана принудительно поддерживать требуемый законом порядок.

По утверждению Н. Суворова, “и так как положительное регулирование законом церковно-государственных отношений основано на идее слияния

религиозного порядка разных исповеданий с государственным порядком, то у нас трудно указать сферу, в которой бы та или другая церковь действовали средствами исключительно своей дисциплины и влиянием на совесть своих членов. На помощь всегда может быть призвано государственное правительство, которое должно охранять существующий церковный порядок, как часть публичного порядка”³⁶. В дополнение следует сказать, что духовная дисциплина устанавливалась законом и для нехристианских религиозных сообществ. Объем установленной государством дисциплины зависел от вероисповедных особенностей религиозных сообществ. Более строгая дисциплина была установлена для мусульман, менее строгая – для евреев-талмудистов, для которых закон допускал возможность образования сект с разрешения министра внутренних дел.

Наряду с реализацией своих непосредственных задач – выполнением духовенством и мирянами их религиозно-нравственных обязанностей – духовная дисциплина терпимых исповеданий действовала также в качестве инструмента государственного контроля над подданными Российской империи. Государственные и духовные механизмы права и дисциплины должны были преследовать общую цель – поддержание религиозного и общественного порядка. Исполнение религиозного долга подданными становилось одновременно свидетельством их политической лояльности российской монархии. Поддерживая духовную дисциплину “иностранцев и иноверных” исповеданий, государство вместе с тем обязывало духовенство быть не только верноподданным к монархии, но и воспитывать свою паству как политически лояльную³⁷. Закон требовал сочетания религиозной и политической верности подданных, преследуя одновременно цель предотвращения конфликтов между требованиями политической лояльности монархии и верности своему религиозному сообществу.

Правовой статус духовной дисциплины свидетельствовал о том, что между государством и неправославными сообществами происходил обмен: государство поддерживало и защищало порядок богослужения, целостность организации и вероучения, а духовенство должно было по закону гарантировать политическую лояльность, послушание и преданность своей пастве. Это свидетельствовало о том, что практика административно-правового регулирования, выстраивая односторонние отношения власти и контроля, предусматривала также отношения взаимозависимости между духовенством и властью, выраженные в государственно-духовном законодательстве о духовной дисциплине.

ТРАДИЦИЯ И ПРАКТИКА РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ

Попытка определить содержание понятия веротерпимости и его эволюцию на основе исследования правосубъектности и механизмов бюрократического управления “чужих”, т.е. “иностранцев” христианских и иноверных” исповеданий не сможет получить должное эвристическое значение, если исследованию не будет подвергнут институт религиозной *нетерпимости*, относительно “своих”. Речь идет об отношении государства к религиозным диссидентам, вступившим в конфликт с господствующей

церковью. Такое исследование позволит определить критерии нетерпимости, ее объекты, религиозно-политическую и административно-правовую основу и, тем самым, содержание корректировки правительственной политики, изложенной в Высочайшем указе Сенату “Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости” от 17 апреля 1905 г.

Российское законодательство включало в себя различные меры уголовного наказания за “преступления против веры”, что свидетельствовало о наличии сферы государственного *принуждения*, с помощью которого государство препятствовало верующим исполнять свои религиозные обязанности. Такая практика стала результатом нетерпимости государства к религиозным практикам, распространение которых расценивалось как правонарушение. Следовательно, необходимо вести речь об ином модусе сосуществования государства с религиозными общинами, деятельность которых не признавалась законом, а сами общины относились к категории нетерпимых, и с лицами, совершавшими незаконный религиозный выбор. Принуждение государства проявлялось как в законе, так и в административных распоряжениях.

Следует отметить, что цитируемые выше статьи 44–45 “Основных законов Российской империи” о свободе веры не распространялись на инакомыслящих членов Русской Православной церкви, старообрядцев и сектантов, отколовшихся от православия в течение двух последних столетий (конец XVII–XIX в.) и рассматривавшихся государством в качестве не только “церковных мятежников”, но и политических противников³⁸.

Кроме русских старообрядцев и сектантов, до 1905 г. официально именуемых раскольниками³⁹, имелись десятки тысяч представителей различных этнических групп, которые формально числились православными, но желали вернуться в исповедуемые ранее католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм, буддизм и язычество или перейти в старообрядчество или сектантство. Существовавший правовой запрет на переход из Православия в прежние религиозные сообщества создавал напряженность в сфере межрелигиозных отношений. Оно накапливалось прежде всего в пограничных районах, где сталкивались интересы Православия и иных религиозных сообществ (Холмщина, Западный край, Прибалтика, Поволжье и т.д.). По отношению к “упорствующим” в католицизме бывшим униатам Северо-Западного края правительство в 60–70-е годы XIX в. нередко прибегало к уголовным преследованиям как отдельных лиц, так и целых общин крестьянского населения⁴⁰. Аналогичная практика нетерпимости применялась в центральных и восточных регионах империи в отношении бывших представителей нехристианских религиозных сообществ, в частности к “упорствующим” в исламе⁴¹.

Российское законодательство исходило из принципа формализации вероисповедной идентичности и определяло всякого подданного как человека религиозного. Оно не допускало возможности не принадлежать ни к какой религиозной общине. Законом предписывалось, что каждый подданный России, вне зависимости от сословного положения, остается в той вере, в какой рожден и какую исповедовали его праотцы⁴².

Следовательно, атеизм и агностицизм, как альтернатива религиозному определению реальности, могли присутствовать только в качестве личного мировоззрения, но при формальном сохранении религиозной принадлежности к общине.

Отсутствием права не исповедовать никакой религии не исчерпывался набор официально непризнаваемых мировоззренческих альтернатив. Наследственный характер религиозных предпочтений, закрепленный в законодательстве, порождал проблемы согласования их с религиозным сознанием верующих. В случае отсутствия такого согласования возникала проблема изменения вероисповедной принадлежности. Однако одним из главных ограничений религиозной свободы личности было недопущение законом свободного выбора веры, прежде всего для членов господствующей церкви⁴³. Закон не допускал перехода православного лица в иную, даже христианскую, религиозную общину, и Православная церковь не переставала считать отпавшего своим членом⁴⁴.

Запрет на распространение конкурирующих объяснений реальности со стороны неправославных религиозных конфессий и общин, признанных законом или только административно терпимых (как, например, старообрядцы или некоторые сектанты), был обоснован нормами действовавшего законодательства. В основе этого светского законодательства лежало церковное мировоззрение, в соответствии с которым выбор единственной истинной веры – православия, может быть сделан один раз и вся последующая религиозная жизнь может осуществляться только в стенах Церкви. Отпадение от истинной Церкви означало принятие заблуждения в виде чужой веры, ереси или раскола. Необходимость законодательной защиты особого статуса православия в империи имела традиционное этническое обоснование. Мотивацией такой защиты служил бесспорный исторический факт, что православие является традиционной религией русского народа, которое «создавало и охраняло единую Россию». Это давало основание официально рассматривать переход из православия в другие вероисповедания «как торжество нерусских начал над русскими, и на русских людей, переходящих в другие вероисповедания, культ которых отправляется на иностранных языках, как на лиц, недостаточно твёрдых в государственном патриотизме». Поэтому закон, защищая достоверность Русской Церкви как эксклюзивной религии спасения, сохранял тем самым её монопольное право на исключительную власть над находящимся в её юрисдикции населением, прежде всего - над этнической группой русских – великороссов, малороссов и белорусов. Законодательная защита православия как единственной истинной религии русского большинства населения, выступала в качестве одного из ведущих факторов сохранения целостности Российской империи.⁴⁵

Практика абсолютных притязаний на исключительность, встроенная в каноническую традицию Русской церкви, имела свое обоснование в том, что, по словам И. Бердникова, «в русском государстве, унаследовавшем себе гражданственность от Византии, положение Церкви в общих чертах тоже самое, какое ей принадлежало в византийском государстве»⁴⁶. Поэтому пореформенное уголовное законодательство относительно «еретиков и раскольников» сохраняло элементы *чисто канонического*

характера. По мнению известного правоведа А. Кистяковского, это свидетельствовало о принадлежности его к “старой формации”, или к таким системам права, которые существовали во всей Европе до конца XVIII в. и были отменены в конце XVIII – и в начале XIX в. В полицейском и уголовном законодательстве России о запрещенных деяниях, касающихся веры, сохранялись такие характерные признаки, как абсолютная ортодоксия, монополярный прозелитизм, неверотерпимость.⁴⁷

Законодательство сохраняло практику нетерпимости, исходя из традиционного церковного понимания, что у заблуждения нет никаких прав на существование и что христианское государство обязано защищать истину, преследуя заблуждения в виде ересей (сект) и раскола, что репрессии против еретиков и “совратителей” паствы “господствующей” Церкви и других христианских конфессий – гарантия сохранения целостности Православия, шире – христианского общества и государства.

В комментариях, относящихся к отделению второму “О ересьях и расколах” второго раздела “Уложения о наказаниях уголовных и исправительных”, было изложено мнение Правительствующего Сената о законах, определяющих “преступления и проступки по расколу”. Согласно разъяснению Сената: “Прямой смысл как статей Уложения, так и заключающихся в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений (ст. 48–72 по изд. 1876 г.) ясно указывает, что законодательство наше, различая ереси и расколы по степени их вреда, устанавливает на этом основании и уголовную ответственность сектаторов, которые с этой точки зрения могут быть распределены на три разряда: 1) на секты, повреждающие веру, но менее вредные в гражданском отношении (улож. о наказ. ст. 196); 2) на секты, особенно вредные как в отношении к охранению веры, так и в гражданском отношении (ст. 197), и 3) на секты, соединенные со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, или же с противонаравственными гнусными действиями (ст. 203)”. Далее в пункте 1 статьи 197 было отмечено, что “законодатель, различая ереси и расколы по степени их вреда, относится тем строже к распространению раскольнической секты, чем более вредной она признается”⁴⁸.

Иерархия нетерпимости, основанная на степени “вредности” религиозных групп, не признанных законом, была определена в постановлениях Особого временного комитета по делам раскольников (1864 г.) по согласованию с обер-прокурором Святейшего Синода. Комитет, созданный под председательством графа Панина, обсуждал предложения министра внутренних дел П.А. Валуева о необходимости положительных изменений в действовавших ограничительных постановлениях о “раскольниках”. Необходимость классификации нетерпимых религиозных групп диктовалась потребностями рационализации политики, которую необходимо было осуществлять по отношению к “расколу” в новых условиях. Следует отметить, что подобная классификация, основанная на определении степени “вредности”, была впервые установлена Святейшим Синодом еще в 1842 г. Секты делились на вреднейшие, вредные и менее вредные⁴⁹. Эта градация оказала определенное влияние на уголовное законодательство 1845, 1857 и 1866 гг.

Новая пореформенная классификация, как и предыдущая, не носила правового характера и выстраивалась в соответствии с догматическими и экклезиологическими критериями, характеризующими степень отступления от учения Православной церкви и христианства в целом, а также причинами политического и нравственного характера. Как отмечал И.К. Смолич, “долгом Церкви является охранять чистоту веры и оберегать верующих от ересей или ложных истолкований церковного учения”⁵⁰. Поэтому негативное отношение господствующего православия к ересям (сектам) и расколам, обусловленное неприятием отступления от ортодоксального вероучения Церкви и нарушений канонической дисциплины, делала весьма затруднительным признание их со стороны государства в качестве религиозных организаций, обладающих определенной правосубъектностью.

В соответствии с установленными Синодом критериями к сектам “более вредным” относились: “1) иудействующие (субботники, жидовствующие), 2) духоборцы, молокане, прыгуны и штундисты, 3) хлысты, шалопуты и другие отрасли хлыстовщины (люди Божии, духовные христиане), 4) скопцы, 5) самокрещенцы, странники (сопелковцы, бегуны), странноприимцы, федосеевцы, филипповцы и другие мелкие беспоповщинские толки (аристовщина, аароновщина), 6) те раскольники-поморцы, которые принимая молитву за царя, не признают брака.

Менее вредными считались: 1) все толки поповщинские, 2) из беспоповщинских толков: поморцы, принимающие молитву за царя и брак, нетовцы, или спасово согласие, принимающие таинства крещения и брака в православной церкви”⁵¹.

Разработанные Комитетом заключения о порядке принятия мер по расширению общегражданских и религиозных прав старообрядцев и сектантов были утверждены императором Александром II 16 августа 1864 г. Решения Комитета инициировали издание законов 19 апреля 1874 и 3 мая 1883 гг., в соответствии с которыми, так называемые раскольники начали постепенно обретать положение терпимых, но еще не признаваемых законом религиозных общин⁵². Благодаря этим законам часть 1 статьи 197 “Уложения о наказаниях” издания 1866 г., трактующая об иудействующих, духоборах и т.п., в “Уложении о наказаниях” издания 1885 г. была уже опущена⁵³.

Однако три секты или ереси – духоборов, молокан и скопцов⁵⁴ – российское законодательство по-прежнему продолжало причислять к числу наиболее вредных. В изъятие из закона от 3 мая 1883 г. высочайше утвержденным решением Комитета министров от 4 июля 1894 г., предварительно согласованным с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым, одной из наиболее вредных в церковном и государственном отношениях объявлялась секта штундистов⁵⁵. В 1903 г. к списку “вредных” сект закон прибавил секту хлыстов.

Отсутствие в законодательстве более точных указаний на то, какие именно секты должны быть признаваемы нетерпимыми, объяснялось следующим образом. Вследствие многочисленности подобных сект поименное перечисление их в законе признавалось не только бесполезным, но и неприемлемым. С точки зрения правоведов Правительствующего

Сената и Государственного Совета, перечисление сект в действующем законодательстве могло свидетельствовать об официальном признании их в качестве религиозных организаций. Придание правового статуса нетерпимым сектам вступало бы в противоречие с принципиальными положениями законодательства о расколе, в соответствии с которыми религиозные общины «раскольников» законом не признавались. В случае необходимости определения степени вредности той или иной секты министр внутренних дел при применении закона от 3 мая 1883 г. должен был согласовывать делаемые им распоряжения с *мнением Святейшего Синода*⁵⁶.

Таким образом, причины существования уголовного законодательства, сохранявшего институт религиозной нетерпимости в Российской империи в качестве традиционного, связаны, в основном, с исключительным статусом Православной церкви, права и привилегии которой, согласно византийской традиции, защищались законом.

ИТОГИ ЭВОЛЮЦИИ

Начиная с периода «Великих реформ», государственная правовая система вероисповедных отношений, построенная частично на канонической основе, начала эволюционировать в сторону расширения религиозных свобод для так называемых раскольников и смягчения уголовных наказаний за религиозные преступления⁵⁷. Результатом этой эволюции в начале XX столетия стало издание именного высочайшего указа от 12 декабря 1904 г. Пункт шестой указа гласил: «Для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»⁵⁸. Тем самым верховная власть недвусмысленно свидетельствовала об окончательном выборе в пользу расширения правовых границ традиционной веротерпимости, преследуя цель упрочения «легальной формы власти»⁵⁹ в России на основе предоставления ряда религиозных и гражданских прав верующим, подвергавшимся ранее различным формам религиозной дискриминации.

Последовавший за тем 17 апреля 1905 г. высочайший указ Сенату «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости» впервые внес существенные коррективы в соотношение между приоритетами государственно-церковными и частными, сократив часть статей, защищавших исключительные права Православия на сохранение неприкосновенности его конфессиональных границ. Лица, формально числившиеся православными, получили легальную возможность покинуть господствующую Церковь без ущерба для своих гражданских прав. Тем самым впервые была сужена область

государственного принуждения, применяемого для поддержания господствующего статуса Православия среди религиозных общин России. Соответственно было расширено правовое пространство религиозной свободы для старообрядцев и сектантов, получивших необходимую для выполнения своих религиозных обязанностей правосубъектность. Их религиозные организации вошли в число признанных законом объектов веротерпимости, пополнив ее иерархию сообществами, не обладавшими статусом государственных и привилегированных. В законе указывалось на необходимость установления различий между религиозными сообществами, которые подпадали ранее под общее определение “раскол”, разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство, в) последователи изуверных учений, принадлежность к которым являлась наказуемой в уголовном порядке⁶⁰. Это означало, что русские старообрядцы, которым отныне было присвоено это наименование взамен официально бытовавшего “раскольники”, и сектанты должны были получить практически такие же религиозные и гражданские права, которыми обладали в России верующие “инославных и иноверных” исповеданий.

Основная цель Указа заключалась в том, чтобы практику регулирования вероисповедных отношений ввести в сугубо правовое русло. Реформирование архаически традиционного института религиозной нетерпимости позволило расширить границы легитимного пространства веротерпимости: – за счет “раскольников”, бывших “своих”, в разное время отпавших от Православия и ставших официально “чужими”; – а также за счет “упорствующих”, бывших “чужих” – “инославных и иноверных”, не желавших оставаться “своими”, и стремившихся вновь получить официальный статус “чужих”.

Введение новых религиозных свобод рассматривалось правительством в качестве инструмента укрепления традиционной религиозности и политической лояльности как среди духовенства и мирян терпимых исповеданий, так и среди ранее дискриминируемых групп российского общества. Это была попытка правового решения проблем, вызванных мерами государственного принуждения в религиозной сфере. Предпринятые в условиях нарастания революционных настроений перемены в вероисповедной политике носили фрагментарный характер и не предлагали системного подхода к решению проблем свободы совести в России.

Сказанное позволяет сделать вывод, что меры, предпринятые правительством в форме Указа от 17 апреля, в сущности, завершили строительство традиционной системы веротерпимости, добавив к ней недостающие, с точки зрения действовавшего законодательства, элементы религиозной свободы. Вместе с тем новый закон свидетельствовал о начавшейся модернизации этой системы. Сохраняя незыблемость ее правовых принципов, методов организации и функционирования, своими положениями о “раскольниках” и “упорствующих” этот закон впервые позволил реализовать с помощью бюрократических процедур свободу совести для отдельных лиц (за исключением выбора атеизма и агностицизма) и свободу объединений для религиозных групп. Объективная ограниченность реформаторского потенциала нового закона позволяла

использовать его одновременно в качестве инструмента стабилизации расширенной системы веротерпимости, и в качестве необходимой правовой основы для разработки законопроектов об осуществлении свободы совести в России после 17 октября 1905 г.

1 *Каслэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 141.

2 Вестник Европы. 1880. № 4, 5; Вестник Европы. 1882. № 3; Вестник Европы. 1893. № 6; Русское обозрение. 1893. № 7; Русский вестник. 1894. № 1; Неделя. 1896. № 18, 19, 20; Церковные ведомости. 1901. № 26; Миссионерское обозрение. 1901. № 11; Миссионерское обозрение. 1901. № 12; Русские ведомости. 1901. № 289; Новый путь. 1903. № 3, 4; Вера и разум. 1903. № 16; Право. 1904. № 27.

3 *Тихомиров Л.* Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики: Миссионерское обозрение. 1902 № 3. С. 435; *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 210.

4 Веротерпимость – свобода иноверцам исповедовать веру свою. Веротерпимое государство – государство, не стесняющее иноверцев в отправлении обрядов. См.: *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1: А-З. С. 333.

5 Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. Основные государственные законы. Ст. 44–45. СПб., 1892.

6 Российский государственный исторический архив. Далее: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 3–4. Национальный исторический архив Беларуси. Далее: НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37127. Л. 5; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907гг. СПб., 1910. С. 125.

7 Ст. 40. “Основных законов Российской империи” гласила, что “первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания”. См.: Свод законов Российской империи. Основные государственные законы. СПб., 1892. Т. 1, ч. 1. Как отмечалось в журнале Комитета министров: “...преимущества, главным образом придающие Православной Церкви значение господствующей: принадлежность к ней Государя Императора, свобода привлечения последователей и получение денежных средств для удовлетворения нужд своих из общегосударственных доходов”. См.: Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. “О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 45.

8 Ограничительные узаконения и особые законоположения, изданные по соображениям национального или вероисповедного свойства либо обусловленными различием полов. СПб., 1906 // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 21; *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Ч. 1: О государственном устройстве // *Градовский А.Д.* Собр. соч. СПб., 1901. Т. 7. С. 336; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Издано проф.

Н.С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886. Ст. 184, 185, 186, 187, 196. Так пункт 6 ст. 196 гласил: “Наши законы ограждают от повреждения преимущественно догматы господствующей церкви, защищая другие христианские вероисповедания только от соращения христиан в нехристианскую веру” (Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Свод законов Российской Империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 36); “Охрана религии вообще и в частности господствующей у нас Церкви Православной от злоумышленных на нее посягательств составляет одну из важнейших задач карательной деятельности государства” (Журнал Особого совещания для предварительного обсуждения гл. II проекта нового Уголовного уложения // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 8. Л. 315).

9 Покровительство императора простиралось не только на первенствующую и господствующую конфессию, имевшую в силу этого особый статус, но и на все терпимые и признаваемые в империи конфессии и религиозные общины. Принцип императорского патернализма в “Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных” был сформулирован следующим образом: “Армяно-Грегорианская Церковь в Российской империи, наравне с прочими иностранными исповеданиями, пользуется Всемилоостивейшим покровительством Государя Императора”. См.: Свод Законов Российской империи. Ст. 1109. Т. 11, ч. 1. СПб., 1892.

10 “Религия и церковь являются одним из важнейших, основных государственных и общественных устоев, охрана которого от злоумышленных на оный посягательств должна быть признана одною из наиболее важных задач карательной деятельности... Сообразно такому значению христианства и православия в России, охрана их в уголовном законодательстве имеет особую важность, существенно отличную от других государств”. См.: *Попов А.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 476.

11 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 17–20; Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 70; СПб., 1896. Т. 11, ч. 1. Ст. 4.

12 *Коркунов Н.М.* Русское государственное право: изд. третье, перераб. СПб., 1899. Т. 1. С. 517–518.

13 “Религия у нас как и везде, признается наследственной: дети воспитываются в религии родителей” // Курс русского уголовного права / Соч. Александра Лохвицкого: второе испр. и доп. изд. СПб., 1871. С. 307.

14 *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Ч. 1. С. 333.

15 Там же. С. 335.

16 *Тернер Ф.Г.* Свобода совести и отношение государства к Церкви // Сборник государственных знаний / Под ред. В.П. Безобразова. СПб., 1877. Т. III. С. 41.

17 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 127а–128; Русская Православная Церковь и право: комментарий / Отв. ред. М.В. Ильичёв. М., 1999. С. 30.

18 “Только закон 3 мая 1883 года, дозволивший раскольникам богомоление, *implicite* признал раскол за особое юридически существующее исповедание”. См.: *Попов А.* Указ. соч. С. 473.

19 *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: Сб. ст. СПб., 1905. С. 159.

20 Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. Ст. 42; Т. 11, ч. 1. Ст. 1109; *Суворов Н.* Учебник церковного права. Ярославль. 1898. С. 575.

21 *Красножен М.* Иноверцы на Руси. Т. 1: Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900. С. 179.

22 *Коркунов Н.М.* Указ. соч. С. 500; *Красножен М.* Указ. соч. С. 181.

23 В примечании к ст. 46. Основных законов было сказано: “Правила охранения веротерпимости и пределы ея подробно означены в уставах по принадлежности”. См.: Свод постановлений о управлении духовных дел иностранных Христианских исповеданий и иноверческих, а также Устав о Предупреждении и Пресечении Преступлений” // Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. Ст. 44–46. Характеристика происхождения правил веротерпимости, данная Кабинетом Министров свидетельствует: “Самое начертание уставов, определяющих религиозную жизнь иноверных русских подданных, в большинстве случаев являлось кодификацией религиозно-правовых норм, существовавших в той или другой части иноверного населения в момент приобщения его к Империи” (Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров... С. 43). Для католиков и лютеран, живущих во внутренних губерниях России, существовали ограничения на публичное отправление культа, которые не распространялись на католиков польских губерний и лютеран прибалтийского края и Финляндии. См.: *Суворов Н.* Указ. соч. С. 591.

24 В юридической литературе второй половины XIX в. неоднократно указывалось, что среди лиц, принадлежащих к признанным законом религиозным сообществам только евреи подвергались существенным ограничениям в правах в зависимости от религии. См.: *Коркунов Н.М.* Указ. соч. С. 495–496; *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Ч. 1. С. 337. Однако министерство внутренних дел иначе интерпретировало взаимозависимость личных прав евреев с их вероисповедной принадлежностью. Следует отметить, что в своей законотворческой практике по выработке нового законодательства о свободе совести в 1906 г. правоведы МВД трактовали положение евреев-раввинистов следующим образом: “Обращаясь к ограничениям в области личных и имущественных прав, установленных законом в зависимости от принадлежности к той или иной религии, необходимо казалось бы, причислить к ним прежде всего все особые постановления о евреях, так как с принятием иудеями христианства в виде **общего правила** (так в документе. – А.Б.) отпадают и все установленные для евреев ограничения. Принимая однако во внимание, что в основе специального о евреях законодательства лежит не один только вероисповедный признак, а что закон выделяет евреев в особую инородческую группу, поставленную в силу своих национальных особенностей, в особые условия, – представляется уместным при обсуждении вопроса о свободе совести коснуться лишь тех ограничений, которые установлены законом исключительно в зависимости от принадлежности к данному вероисповеданию, а потому совершенно не упоминает о евреях, в предположении, что принадлежность к иудейскому вероисповеданию не должна служить основанием для каких-либо

ограничений в области личных и имущественных прав). См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7, Л. 36; Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. Ст. 1299.

25 Суворов Н. Указ. соч. С. 573–574.

26 Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. II: Органы управления: Изд. 3 доп. СПб., 1887. С. 465–466; Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 502; Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. Ст. 13–14.

27 Красножен М. Указ. соч. С. 188, 190.

28 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 7, 15.

29 Государственный исторический архив Литвы. Далее: ГИАЛ.). Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 62–63.

30 ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 748. Л. 1–3об; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 378. Оп. 1877. Д. 13. Л. 18, 33.

31 “В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих Христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным”. См.: Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. Ст. 4; Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Там же. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 77; Однако закон, допуская переходы из одного неправославного христианского исповедания в другое и принятие нехристианами любой христианской религии, признавал, очевидно, за всеми христианскими религиями право привлечения последователей. Такие переходы могли осуществляться только с разрешения министра внутренних дел, по формальным просьбам, принесенным без всякого участия духовенства того исповедания, в которое осуществляется переход. См.: Свод законов Российской империи Т. 11, ч. 1. Ст. 6, 7, 8, 256, 1110. Что же касается миссионерской практики Православия, то в законе недвусмысленно указывалось: “...господствующая церковь не позволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и вер к православию, и тем из них, кои приступить к нему не желают, отнюдь ничем не угрожает, поступая по образу проповеди Апостольской”. См.: Там же. Т. 14. СПб., 1890. Ст. 70. Следует добавить, что у господствующей церкви отсутствовала миссия для обращения в Православие христиан инославных исповеданий. См.: Бердников И.С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 241.

32 ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 2, 9; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1104. Л. 1,4; Ф. 604. Оп. 5. Д. 2542. Л. 21; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31299. Л. 11, 13; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31397. Л. 24; Ф. 136. Оп. 1. Д. 35609. Л. 18; РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1250. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 253. Л. 1. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077. Л. 209; Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 44.

33 Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Раздел первый. О предупреждении и пресечении преступлений против веры // Свод законов Российской империи. Т. 14. Ст. 65–90.

34 Рейснер М.А. Государство и верующая личность: Сб. ст. СПб., 1905. С. 167.

35 Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. Ст. 253.

36 Суворов Н. Указ. соч. 1898. С. 576; Свод законов Российской империи. Свод общих губернских учреждений. СПб., 1857. Т. 2, ч. 1. Ст. 389.

37 Свод законов Российской империи. Т. 14. Ст. 66; Т. 11, ч. 1. Ст. 59, примеч. Ст. 1325, 1483, 1487, 1598, 1602.

38 Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, выступая в качестве председателя 5 февраля 1900 г. на Особом Совещании, на котором присутствовали московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, министр юстиции Н.В. Муравьев и министр внутренних дел Д.С. Сипягин, “В кратком очерке представил церковно-государственную важность вопроса о мерах борьбы с русским расколом и обзор мер государственных, со времени Петра Великого, направленных к обузданию раскола, как противника государственной власти”. Обер-прокурор отметил: “Император Николай Павлович ясно понимал и прозревал всю опасность раскола и для Церкви и для государства, и поэтому им принят был целый ряд мер внешнего и внутреннего воздействия на раскольничью среду. Но и противодействие усилилось, борьба раскола с Церковью обострилась, направляясь все из тех же центров – Преображенского и Рогожского кладбищ. Раскол по духу своему представлялся фанатической оппозицией и церковной и государственной власти, а потому не удивительно, что к нему, как готовому орудью, стали примыкать противогосударственные элементы, в лице Герцена, Бакунина, Чайковского и др; при содействии враждебной нам тогда австрийской политики, они помогли расколу создать свою самочинную лжеиерархию, посредством коей раскол и организовался уже, представляя собою враждебную церковь посреди Церкви в государстве. ... Ввиду всего этого необходимо, пока еще не поздно, принять со стороны государства решительные меры для устранения великого народного соблазна от возникшей и действующей обманом лживой иерархии, которая стремится в глазах народа открыто поставить себя на место законной иерархии”. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1. Л. 7. В свою очередь православные миссионеры рассматривали сектантство как “...духовную болезнь, глубоко коренящуюся в душе народа, в ложных убеждениях его непросвещенного ума, в мистико-моральном настроении русского сердца, в слабости толпы и своеволии вожаков ее”. Айвазов И.Г. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М., 1914. С. 76.

39 “Под именем раскольников разумеется ряд сект, отлучившихся в свое время от Православия, не признаваемых государством и отчасти нетерпимых”. См.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Ч. 1. С. 338.

40 РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1465. Л. 3–18; Ф. 826. Оп. 3. Д. 130. Л. 176–177.

41 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 257. Л. 140; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31268, Л. 4; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31262. Л. 1–10.

42 Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 496.

43 Красножен М. Указ. соч. С. 163.

44 Там же. С. 162–163.

45 Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев. 1896. С. 89.

Следует отметить, что старообрядцы-поповцы, считавшие себя не

раскольниками а “чадами единыя святыя, соборныя, апостольския, древлеправославно-кафолическия Церкви”, сохраняющими “древния святоцерковныя предания” (*Мельников Ф.Е.* Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1990. С. 354–356), наряду с критикой вероучения, канонического положения и литургической практики “господствующей Православной Церкви, самим фактом своего существования и развития в качестве самостоятельной традиционной Русской Церкви ставили под сомнение национальный характер официального Православия”.

46 *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 231.

47 *Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 7; *Кистяковский А.* О преступлениях против веры // *Наблюдатель.* 1882. № 10. С. 121.

48 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Изд. проф. Н.С. Таганцевым: 5-е изд., доп. СПб., 1886. Ст. 196, 197. П. 1.

49 *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Книга восьмая. Часть вторая. М., 1997. С. 194.

50 Там же. С. 70.

51 *Блосфельд Г.* Положение иноверцев и раскольников согласно своду законов // *Журнал министерства юстиции.* 1905. № 3. С. 199. Ср.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: Ст. 198–199.

52 Два главных законодательных акта о раскольниках определяли их гражданское и религиозное положение, именно: закон 17 апреля 1874 г. о метрической записи рождений, браков и смерти раскольников и закон 3 мая 1883 г. о даровании им некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб. См.: Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров... С. 53.

53 Последователи сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, малаканами, иудействующими, а равно и другие, принадлежащие к ересям, которые, установленным для сего порядком, признаны или в последствии будут признаны особенно вредными, за распространение своей ереси и соращение в оную других, по совершенном изобличении, подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке: из Европейской России в Закавказский край, из Ставропольской губернии и Закавказского края в Сибирь, а по Сибири в отдаленнейшие оной места, для водворения особо от других поселенцев и старожилов. См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената: четвертое доп. изд. СПб., 1873. Ст. 197; *Попов А.* Указ. соч. С. 473

54 “Преследование их (скопцов. – А.Б.) обусловливаются не религиозной нетерпимостью, но общими полицейскими соображениями”. См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Ч. 1. С. 336.

55 РГА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 2. Л. 18.

56 *Блосфельд Г.* Положение иноверцев и раскольников согласно своду законов // *Журнал министерства юстиции.* 1905. № 3. С. 197–198.

57 О нарушении ограждающих веру постановлений // Извлечение из Высочайше утвержденного 22 марта 1903 года “Уголовного уложения”. Гл. II: Церковные Ведомости. 1903. № 28. С. 289–294.

- 58 Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров... С. 42.
- 59 *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 151–152.
- 60 Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 1017–1020.